ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

Рис. В. ДМИТРЮКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

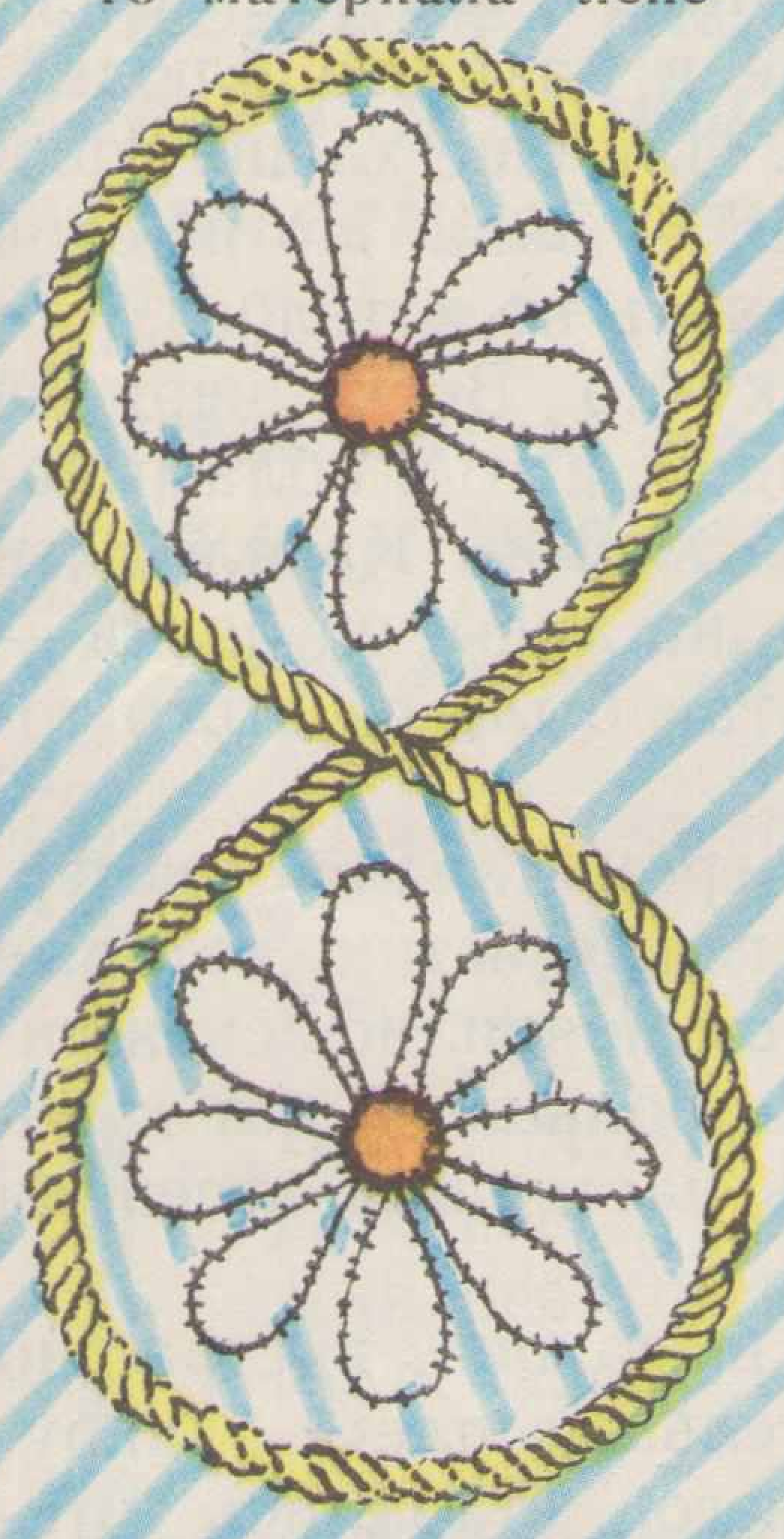
Этот праздник такой, словно у всех мам 8 Марта общий день рождения. Мамы получают подарки, поздравления. Нарядные и весёлые встречают гостей или сами идут в гости.

Есть страны, где жизнь не такая, как у нас. Там женщинам за одинаковую работу с мужчинами денег платят меньше. Там заболевших детишек лечат в больнице только за плату. Там в школы ходят лишь дети богатых. Для женщин таких стран 8 Марта не праздник, а день борьбы.

ПОДАРОК

Все мамы любят получать подарки от своих детей. Подари маме красивую цифру 8.

Вырежь из белого материала лепе-

стки ромашки и пришей их маленькими стежками к нарядному кусочку ткани. А потом положи шёлковый шнурочек так, чтобы получилась цифра 8. Шнурочек в нескольких местах закрепи ниткой.

А можно сделать и такой подарок.

Поставь в воду веточку тополя. Веточка постоит в тепле, и появятся на ней зелёные листочки.

Мама обрадуется твоему подарку.

ЗА ЧТО ЛЮБЛЮ МАМУ

Учительница спросила:

— За что вы, дети, любите свою маму?

У Пети мама строитель. Он хотел сказать: «За то, что мама дома строит», но промолчал. Разве не любил бы он её, если была бы она ткачихой, продавцом или доктором?

Зина хотела сказать: «За то, что мама вкусные кушанья готовит», и тоже промолчала. Мама однажды уехала в командировку, вкусную еду готовил папа, но девочка и тогда не разлюбила маму.

Тут встала Галя:

— Когда мне больно, мама меня пожалеет, и мне уже не больно. Я люблю маму за это.

— И я за это! — закричал Петя.

— И я... — сказала Зина.

В МАРТЕ

С крыши свисают сосульки. Как солнце пригреет, начинается капель.

С тонких сосулек капли падают и выговаривают: плик! плик! плик! Со средних: плюк! плюк! плюк! С толстых: пляк! пляк! пляк!

Целый день вокруг дома весенний концерт. Плик, плюк, пляк! Пляк, плюк, плик!

Вечером солнце опустится, похолодает. Пляк! — упадёт последняя капля с самой толстой сосульки. Концерт окончен. До нового утра.

РОЗОВЫЙ СНЕГ

Юрий КОВАЛЬ
Рис. М. БАСМАНОВОЙ

Очень неважная была зима — сырая, квёлая.

Снег, бывало, шёл с утра до вечера, но какой это был снег — мокрый да кислый. Он таял, падая, а иногда слепливался в воздухе в какие-то блюдца, не снег — лепень. Или ещё хлеще говорят про такой снег — ляпа. Но из этой ляпы и снежки лепить не хотелось.

В лесу было скучно. Ветки чернели под снежным дождём, а то и обламывались под тяжёлым снегом. Казалось, в лесу нет никого — ни лисы, ни белки — пуст он, чёрен, и так было от этого тоскливо.

Мартовским вечером начался ветер. Вначале он гнул голые ветки, которые секли воздух. Потом появились снежинки, их становилось больше, и вот к полуночи разошлась настоящая весенняя метель.

Ночь напролёт выла она, и страшно скрипел дом. Метельные плети закручивались вокруг него, старались оторвать от земли.

С рассветом метель затихла. Я вышел на улицу, радуясь, что дом пока стоял на месте.

Розовый весенний снег лежал вокруг — на земле, на крышах, а за деревней, как из розовой пены, подымался лес.

Весь день ходил я по лесу, по розовому снегу, который к закату побагровел.

Так жалко было, что друзья мои в далёких городах.

Так хотелось, чтоб вместе со мной они прожили этот день, увидали розовый снег, который завтра растает.

Дорогая Агния Львовна!
От имени всех читателей „Мурзилки“, всех авторов журнала горячо-горячо поздравляем Вас в день Вашего юбилея! Желаем Вам счастья и новых поэтических открытий на радость всем нам — большим и маленьким!

Редколлегия „Мурзилки“

РАЗЛУКА

Всё я делаю для мамы:
Для неё играю гаммы,
Для неё хожу к врачу,
Математику учу.

Все мальчишки в речку лезли,
Я один сидел на пляже,
Для неё после болезни
Не купался в речке даже.

Для неё я мою руки,
Ем какие-то морковки...
Только мы теперь в разлуке:
Мама в городе Прилуки
Пятый день в командировке.

Ну, сначала я без мамы
Отложил в сторонку гаммы,
Нагляделся в телевизор
На вечерние программы.

Я сидел не слишком близко,
Но в глазах пошли полоски.
Там у них одна артистка
Ходит в маминой причёске.

И сегодня целый вечер
Что-то мне заняться нечем!

У отца в руках газета,
Только он витает где-то,
Говорит: — Потерпим малость,
Десять дней ещё осталось...

И, наверно, по привычке
Или, может быть, со скуки
Я кладу на место спички
И зачем-то мою руки.

И звучат печально гаммы
В нашей комнате. Без мамы.

АГНИЯ БАРТО

ПОЧЕМУ ТЕЛЕФОН ЗАНЯТ?

По телефону день-деньской
Нельзя к нам дозвониться!
Живёт народ у нас такой —
Ответственные лица:
Живут у нас три школьника
Да первоклассник Коленька.

Придут домой ученики —
И начинаются звонки,
Звонки без передышки.
А кто звонит? Ученики,
Такие же мальчишки.

— Андрей, что задано, скажи?
Ах, повторяем падежи?
Все снова, по порядку?
Ну ладно, трубку подержи,
Я поищу тетрадку.

— Серёжа, вот какой вопрос:
Кто полушария унёс?
Я в парте шарил, шарил,
Нет карты полушарий!..

Не замолкают голоса,
Взывает в трубке кто-то:
— А по ботанике — леса,
Луга или болото?

Звонят, звонят ученики...
Зачем писать им в дневники,
Какой урок им задан?
Ведь телефон-то рядом!
Звони друг другу на дом!

Звонят, звонят ученики...
У них пустые дневники,
У нас звонки, звонки, звонки...

А первоклассник Колечка
Звонит Смирновой Галочке —
Сказать, что пишет палочки
И не устал нисколечко.

Я РАСТУ

А я не знал, что я расту
Всё время, каждый час.
Я сел на стул —
Но я расту,
Расту, шагая в класс.

Расту,
Когда гляжу в окно,
Расту,
Когда сижу в кино,
Когда светло,
Когда темно,
Расту,
Расту я всё равно.

Идёт борьба
За чистоту,
Я подметаю
И расту.

Сажусь я с книжкой
На тахту,
Читаю книжку
И расту.

Стоим мы с папой
На мосту,
Он не растёт,
А я расту.

Отметку ставят мне
Не ту,
Я чуть не плачу,
Но расту.

Расту и в дождик,
И в мороз,
Уже я маму
Перерос!

Рис. Ю. МОЛОКАНОВА

Юрий ГЕРМАН

ВОТ КАК ЭТО БЫЛО

Дорогие октябрята! В первом номере журнала вы познакомились с ленинградским мальчиком Мишей, с его родителями и друзьями. Здесь мы печатаем новые главы из повести Юрия Германа «Вот как это было».

Эти главы про Мишину маму. Про её опасную работу на войне, про то, как жили люди в осаждённом городе, как им было трудно и как мужественно они вели себя.

МОЯ МАМА

Знаете, кто моя мама?

Она командир взвода подрывников. И хотя она просто в берете ходит и в ватнике — она настоящий командир.

Ну, просто невозможно пересказать, какая у нас была история.

Я даже не знаю, с чего начать.

Ну, вот с чего. С налёта.

Завыла сирена воздушную тревогу. Прилетели фашисты. А я никуда и не пошёл, ни в какое бомбоубежище. Лёг на кровать, подушкой ухо закрыл и лежу. И думать про это не хочу. Один я дома — мама в своём взводе, папа в своей пожарной команде.

Вдруг ка-ак ударит!

Даже дом наш весь подскочил и зашатался. А взрыва никакого нет. Что, думаю, такое?

Полежал я ещё, полежал, вдруг слышу — по всем этажам зашумело: по лестнице люди побежали, двери хлопают. А по радио играют отбой воздушной тревоги.

Вышли мы и видим картину: возле соседнего дома всё огорожено проволокой и военные стоят. А один большой кистью пишет на доске:

«БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ. ТИХИЙ ХОД!»

Вдруг подъезжает грузовая полуторка. Совсем возле нас остановилась. К машине сразу подбежал какой-то командир и докладывает, какая это замедленная бомба, и где она лежит, и когда она упала. А из машины выходит моя мама.

Можете себе представить? Это ей командир докладывал! Точно она генерал — мама.

Я как крикну:

— Мама!

Она как обернётся:

— Мишка? Ты почему тут? Уходи отсюда!

И ко мне. А командир ей что-то тихонько шепчет. Она меня обняла, целует, губы у неё холодные, и сама как-то вся вздрагивает. Поцеловала, потом командиру говорит:

— Пожалуйста, товарищ капитан, присмотрите за моим сыном, пока я работать буду. А то он за мной пойдёт, я его знаю.

Капитан — цап меня за плечи и держит. И Геню заодно — Лошадкина. А маме в это время инструменты подают в мешке — железные какие-то. И капитан ей говорит:

— Ни пуха вам ни пера, товарищ.

И всем своим скомандовал:

— Смирно!

А сам руку под козырёк, и все военные, которые тут были, тоже руку под козырёк. И так мама между ними прошла — тоненькая, в берете, моя мама Наташа. Что, думаю, такое? А сам чего-то боюсь.

ТЫ СЫН ГЕРОИНИ

Вот стою я, вздрагиваю, а капитан мне на плечо руку положил и молчит. Постояли мы так, потом я спрашиваю:

— Товарищ капитан, куда это моя мама одна пошла? Ведь из этого дома все выселены, и там лежит бомба.

А капитан отвечает:

— Твоя мама, паренёк, героиня, понял? Её военная специальность — разряжать такие бомбы. Вот она сейчас к этой бомбе подходит.

Я даже глаза закрыл — так мне страшно стало. Одна идёт в подвал к бомбе, а в бомбе внутри часы тикают: тик-так, тик-так. И когда секретное время выйдет, бомба взорвётся.

— Что же она с бомбой может сделать? — спрашиваю.

— У твоей мамы есть специальные инструменты, — говорит капитан. — Подойдёт твоя мама к бомбе, послушает часы. Потом приставит к тому месту, где часы тикают, сверло, и станет это сверло сверлить бомбу. Дойдёт сверло до часов, сломает их, и испорчена будет вся фашистская механика.

— И пока сверло сверлит, ничего не может плохого случиться?

Капитан помолчал, потом ответил:

— Может.

— А когда часы эти проклятые сломаются, тогда уже всё хорошо?

— Не совсем. Тогда ещё нужно отвинтить донную часть бомбы.

— И это тоже моя мама будет делать?

— Да. Тоже.

И капитан почему-то крепко прижал меня к себе.

Очень тихо было вокруг. Никто ничего больше не говорил. И командиры, и красноармейцы, и капитан, и я, и Генька Лошадкин.

Все стояли молча и смотрели на большие ворота, из которых должна была выйти моя мама.

— Товарищ капитан, — попросил я, — можно мне сбегать посмотреть? Ну, пожалуйста.

— Нет, — ответил он и сильнее сжал моё плечо.

В это время из ворот вышла моя мама.

Она шла медленно, едва-едва, и у неё был такой вид, будто она очень устала.

Никогда я её такой не видел.

Все бросились к ней навстречу — и капитан, и я, и Лошадкин, и все командиры и бойцы, и девушки из маминого взвода.

А мама приложила руку к берету, как настоящий военный человек, и сказала своим обыкновенным, маминым голосом:

— Фугасная бомба замедленного действия со взрывателем номер семнадцать обезврежена. Можно выпаривать взрывчатку. Прошу разрешения отвести сына домой. Я живу рядом.

Капитан молча обнял маму и поцеловал три раза. А все бойцы, и командиры, и другие частные люди взяли под козырёк, хотя никакой команды не было. Даже Геня Лошадкин взял под козырёк.

МЫ С МАМОЙ ЧАЙ ПЬЁМ

Вот пришли мы домой. Мама и говорит:

— Ох, я чаю хочу, с ума сойти как хочу.

Согрела чай, и сели мы пить. Я на маму смотрю — и никакая она не героиня: мама как мама. Налила чай в блюдечко и пьёт. И даже ворчит:

— Не подметено, мусор на полу, кровать вся перевёрнута. Наверно, ты, Мишка, без меня на кровати в сапогах лежишь. Зубы чистил сегодня?

Я на неё смотрю и не понимаю. «Неужели, — думаю, — это та самая моя мама, которая только что одна такую бомбу обезвредила? И секретные фашистские часы испортила? И знает, какой номер у взрывателя?»

А она всё про зубы спрашивает:

— Отвечай — чистил или не чистил? Чего моргаешь, ты отвечай.

— Ну, не чистил, — отвечаю, — ну, забыл. Ещё начищусь — успею.

Попили мы чаю, сели разговаривать на диван. Я попросил, чтобы она рассказала, как это всё бывает.

— Да так и бывает, — говорит. — Очень просто. Только сегодня слишком страшно было. Поди принеси ножницы. Я тебе ногти подстригу, совсем ты у меня, бедный, стал беспризорником. И гребёнку захвати — причешу. И чтобы зубы вычистил — не могу я смотреть на такого мальчика...

Вот попробуйте поговорите с ней, когда не может она минуту посидеть спокойно.

Наконец начала рассказывать.

— Идёшь, — говорит, — к бомбе, а она чёрная, большая. Сядешь на неё — выслушивать, а она хо-олодная. Жутко даже бывает...

— Так ты бы с кем-нибудь ходила, — говорю, — вдвоём.

Мама улыбнулась, положила гребёнку и отвечает:

— Зачем же вдвоём? И так на войне достаточно людей гибнет.

— А почему ты себе такую работу, — спрашиваю, — выбрала опасную?

Она опять улыбается.

— Работа как работа, — говорит, — военная работа. Думаешь, танкисту лучше, чем мне? Тоже у него опасная работа. Или лётчик? Или моряк! Подводник, например. Нет, Мишук, когда

наша Советская Родина в опасности, стыдно искать работу полегче... Так рассказывать тебе дальше про бомбу?

— Рассказывай, — говорю.

— Про сегодня я тебе расскажу, как мне страшно стало. Вот поставила я сверло, отошла во двор — жду. Сверло само работает, это самый опасный момент, когда оно сверлит. Прождала в укрытии двадцать минут — возвращаюсь. Не работают больше часы — остановились, всё. Принялась донную часть отвинчивать. И это сделала...

Тут мама перестаёт рассказывать и смотрит на меня круглыми глазами. И я вижу по глазам, что ей страшно.

— Наступает, — говорит она, — жуткое молчание.

Берёт меня за руку и сжимает.

У меня от страха даже мурашки по спине побежали.

— Она начала взрываться? — спрашиваю.

— Нет, — отвечает.

— Там фашистский парашютист сидел?

— Да нет же, какие ты глупости болтаешь. Никакой не парашютист, а просто... я поворачиваюсь...

— Привидение?

— Привидений не бывает. Я поворачиваюсь...

— Ну?

— Не нукай. Поворачиваюсь и вижу, прямо против меня сидит крыса. Вот такой величины и на меня смотрит.

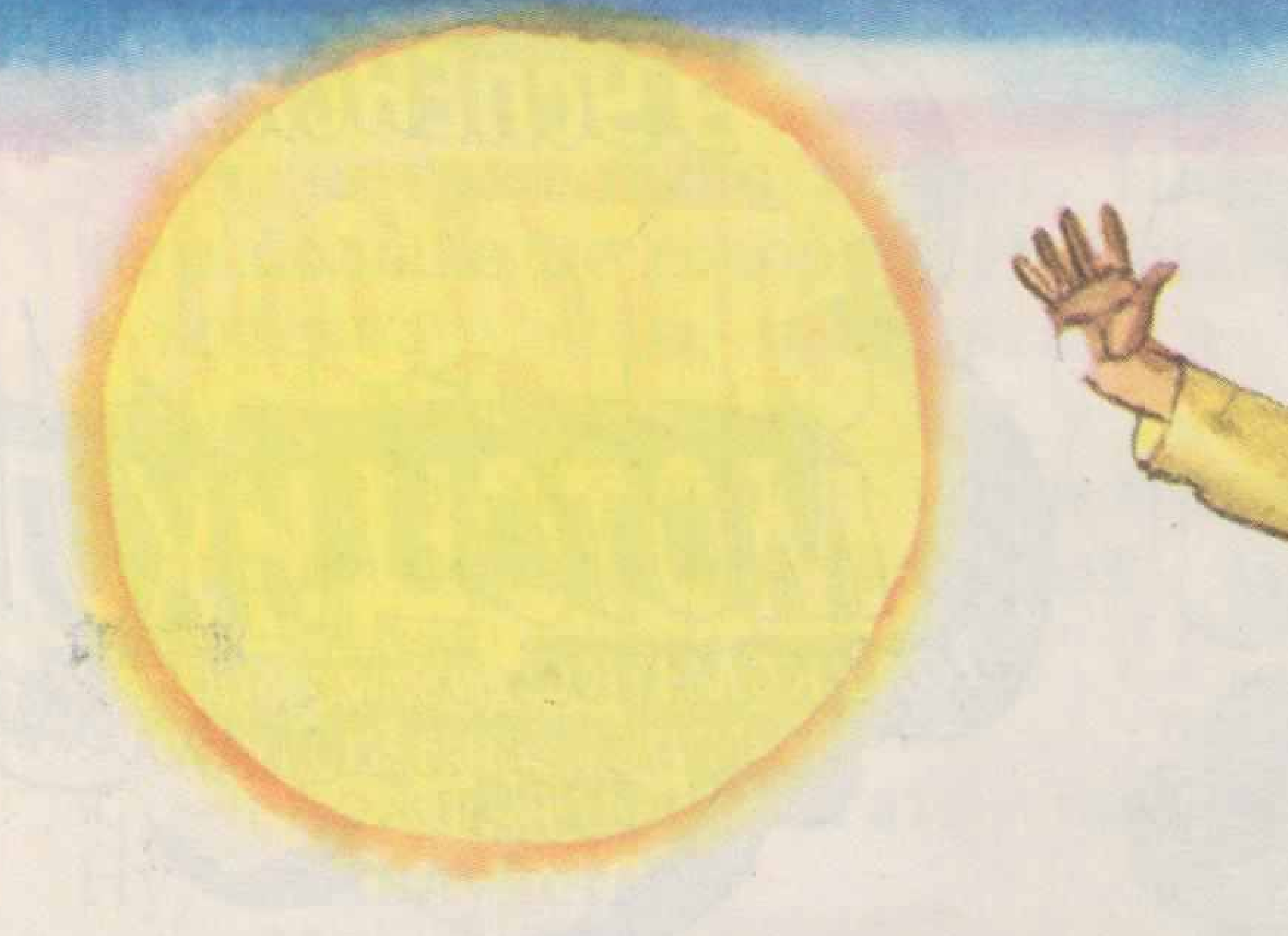
Ну, скажите, пожалуйста, разве не удивительная у меня мама?

Хоть она и мама, но всё-таки девочка. И хоть она героиня, но всё-таки не совсем военная.

И генералом, уж наверное, никогда она не будет.

Рис. А. ЛИВАНОВА

Сергей МИХАЛКОВ

НЕСБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ

Когда мне было десять лет,
Мечтал я лишь о том,
Чтоб небольшой велосипед
Ко мне вкатился в дом.

Я утром, вечером и днём
Катался бы на нём.

Обидно было мне до слёз,
Когда я слышал: — Нет!
С тобой, сынок, и без колёс
Не оберёшься бед.

Я о санях зимой мечтал
И видел их во сне,
А наяву я твёрдо знал:
Их не подарят мне.

— Успеешь голову сломать! —
Мне всякий раз твердила мать.

Хотелось вырастить щенка,
Но дали мне совет,
Чтоб не валял я дурака
В свои двенадцать лет,

Поменьше о щенках мечтал,
А лучше что-нибудь читал.

Я редко слышал слово: «Да!»,
А возражать не смел.
И мне дарили все всегда
Не то, что я хотел:

То шарф, то новое пальто,
То «Музыкальное лото»,
Но это было всё не то,
Не то, что я хотел!

Как жаль, что взрослые подчас
Совсем не понимают нас,
А детство, сами говорят,
Бывает только раз!

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

**Иван Иванович Парахин,
директор племенного совхоза
«Караваево», Герой
Социалистического Труда**

Из Костромы, из нашей областной столицы, в село Караваево можно приехать на автобусе. Вот мелькает в окне городская окраина. Дальше автобус бежит по шоссе среди полей и перелесков. Наконец остановка. Приезжий человек удивлённо озирается кругом: куда это он попал? «Мне, — говорит, — надо было в село Караваево».

А это оно и есть, наше Караваево. Асфальтовые тротуары, многоэтажные дома... И даже самые древние наши бабушки уже больше не удивляются и не спрашивают, где спрятан тот самовар, из которого горячая вода льётся в водопроводный кран...

ГЛАВНАЯ НАША ЗАБОТА

Рис. В. ГОШКО

Наш совхоз животноводческий. Главное наше богатство — огромное стадо отборных племенных коров. Главная наша забота — сделать так, чтобы в стране было побольше молока. Наверное, никому не надо объяснять, какая это отличная вещь — молоко! Его все любят, и старые и малые.

А сколько разных продуктов можно сделать из молока! Сыр — то острый, то нежный, творог разных сортов, сметану, кефир. А топлёное молочко? А сливки? Разве вы их не любите?

Что самое вкусное на свете? Из-за чего всегда бывает столько слёз и радости? Разве не из-за мороженого?

А самое сытное что? «Каша на ложке — а молодец на ножки». А кашка-то молочная да с маслицем со сливочным.

И пироги без молочного не обходятся. Помните «Колобок»? Ведь он тоже «на сметане мешён».

Мы говорим: «Хлеб — главное наше богатство». Я бы добавил: «И молоко!»

•••

Нет, недаром, недаром человек так любит корову. Почтительно называет её коровушкой-матушкой, главной своей помощницей.

Наш завод-совхоз «Караваево» — племенной. Это значит, что мы выводим новые породы коров. Вы спросите: а зачем нужны новые, раз и так — коровушка-матушка и главная помощница?..

Дело в том, что и коровы бывают разные — одни работящие, другие ленивые. Работящие хорошо едят, хорошо пасутся, много дают молока. Ленивые едят кое-как, и молока от них — кот наплакал.

Ленивого человека можно перевоспитать, можно хотя бы пропесочить на собрании. А с ленивой коровой ничего не поделаешь — такой она родилась, такой и останется.

Мы в племенном своём хозяйстве стараемся вывести такую породу, чтобы рождались только работящие, высокоудойные коровы. Нам это очень важно, потому что молодые тёлки и бычки из «Караваева» разъезжаются от нас по всей стране.

•••

Совсем недавно закончил свою работу XXV съезд партии. Съезд определил план работы на будущие пять лет.

Мы начинаем пятилетку качества. Будем работать ещё лучше!

Каждый советский человек думает об этом. Мы в совхозе «Караваево» постараемся ещё улучшить породу наших работящих коровушек, чтобы в магазины, на молочные заводы, в детские сады, в школы — по всей стране потекли широкие молочные реки.

ПЛАКАТ „МУРЗИЛКИ“

ПТИЦАМ
НУЖЕН
ДОМИК
Рис. Ник. ПОПОВА

В дорогу, в плаванье, в полёт — Узнаем, как страна живёт!

ВЕЛИКАНЫ НА КОЛЁСАХ

МУРЗИЛКА и писатель ЭДУАРД КОРПАЧЁВ ЕДУТ в Белоруссию, ЧТОБЫ УЗНАТЬ:

МОЖНО ЛИ на машине перевезти СКАЛУ? СКОЛЬКО БУДЕТ, ЕСЛИ ТРИ УМНОЖИТЬ НА ДВА И ЕЩЁ РАЗ НА ДВА? ЧТО ТАКОЕ АВТОПОЕЗД?

— Это куда ж полез шофёр? — изумился Мурзилка, оказавшись в цехе Белорусского автозавода под Минском. — Это же выше потолка, будто на втором этаже сидит шофёр!

И в самом деле, водитель-испытатель, поднявшись по железным ступенькам в кабину, оказался так высоко, что на него можно было глядеть только с запрокинутой головой.

А водитель, включив мотор могучего самосвала, никуда не повёл машину: бешено завертелись колёса на одном месте, а под колёсами столь же стремительно побежала металлическая дорожка. И так не один час, не один день будут водители испытывать огромный самосвал, прежде чем отправятся на испытания в далёкий рейс.

Чтобы рёв грузовика не заглушал наши слова, мы с Мурзилкой отошли в сторону.

— Чудеса! — покачал головой Мурзилка. — Никогда на шоссе не видал таких машин. Теперь запомню. БелАЗ — так называется машина.

— На шоссе, Мурзилка, таких машин ты не увидишь. Они там, где открытым способом добываются каменный уголь и всякие руды: железные, молибденовые, свинцово-цинковые. И вот экскаваторы нагружают кузова, а самосвалы везут ценный груз на ближайший комбинат, где руду будут переплавлять в металл.

— Сколько же может перевезти груза вот такой самосвал? — показал Мурзилка на испытываемую машину.

— Сорок тонн. Но это, наверно, ничего тебе не говорит, Мурзилка? Тогда представь себе, сколько легковых автомобилей может поместиться в кузове в длину...

— Не меньше трёх! — уверенно сказал Мурзилка.

— Не меньше. А ведь кузов такой широкий, что они могут стоять в два ряда...

— Значит, уже шесть.

— Правильно. А ведь кузов высокий. И если бы, допустим, поставить вровень с бортом кузова ещё столько же машин и тоже в два ряда? Умножай, Мурзилка!

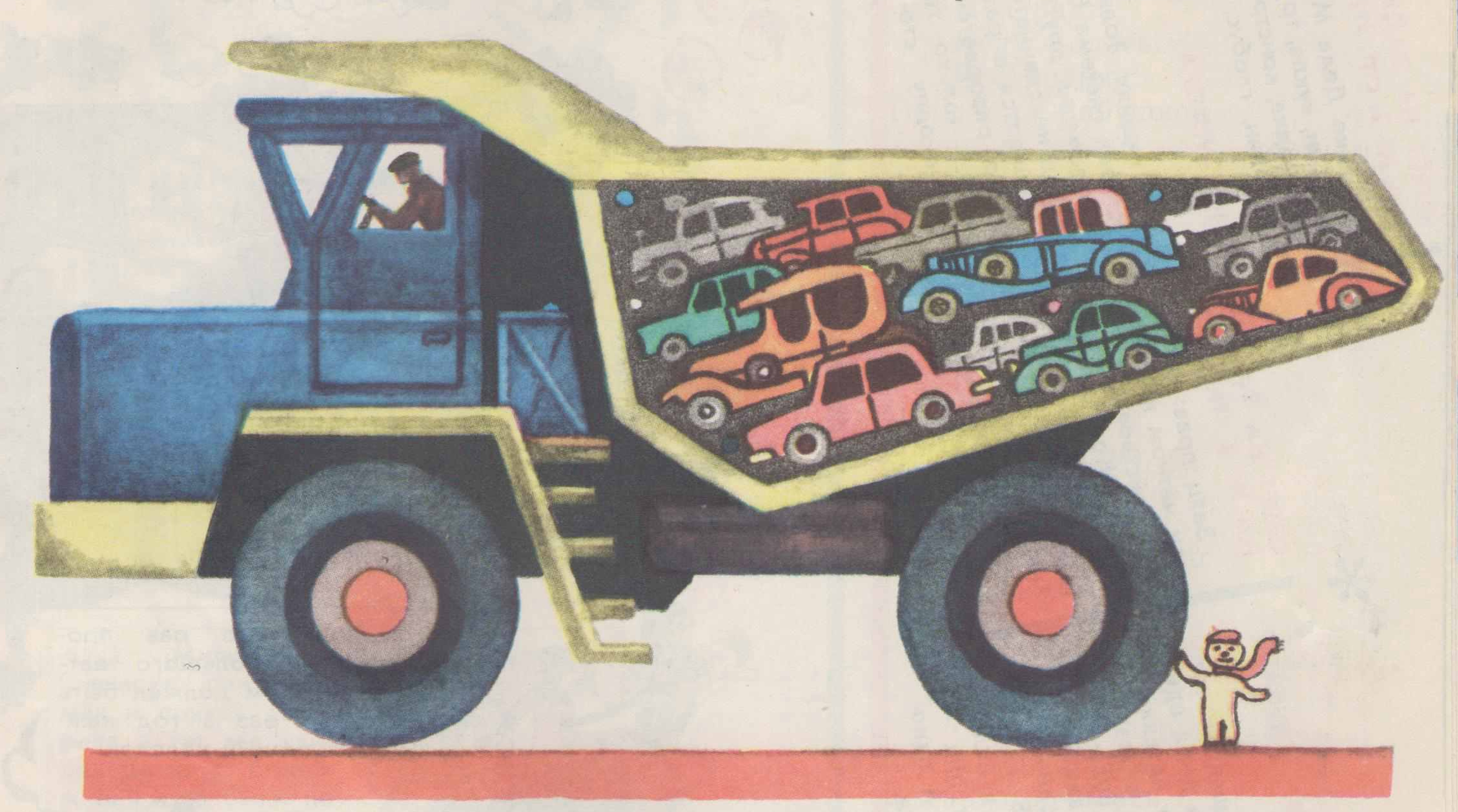
— Двенадцать легковушек могут поместиться. Двенадцать машин в одной.

— Но эти машины, Мурзилка, ещё не самые крупные из тех, которые выпускает автоград в Жодине под Минском. Уже выходят из ворот завода 75-тонные самосвалы. Такие самосвалы могут целую скалу перевезти. Но и эти машины-гиганты не самые крупные. На заводе выпустили уже два 120-тонных самосвала. Называются эти громадные машины автопоездами-углевозами. Пойдём, Мурзилка, к центральным воротам завода. Там как раз и стоит один такой богатырь на колёсах. Девятнадцать метров в длину!

Мы с Мурзилкой зашагали быстрее, захотели полюбоваться гигантом. Мурзилка принялся бегать вокруг громадной машины и даже под нею. Под двумя кузовами машины свободно может расхаживать и взрослый человек.

— А зачем такие громадины, — вдруг спросил Мурзилка, — если есть поезда? И если маленькие самосвалы тоже могут возить уголь?

— Ну, чем меньше машин в карьере, тем меньше расход бензина. А это очень выгодно для страны. А потом, Мурзилка, такие громадные самосвалы необходимы там, где нет железных дорог. Ведь недаром углевозы называются автопоездами. Один такой углевоз может заменить половину вагонов товарного поезда.

— Тогда это очень ценная машина, — авторитетно согласился Мурзилка и вновь принялся разгуливать под двумя кузовами богатыря на колёсах.

Рис. И. КУКЛЕСА

ОТВЕТ НА РАССКАЗ-ЗАДАЧУ «ГДЕ АПТЕКА?»
(см. № 1, стр. 15)

Рассуждаем так. «Аптека окрашена в тот же цвет, что и почта». Значит, два дома одинакового кирпичного цвета — это аптека и почта, а два других — булочная и парикмахерская. Читаем дальше: «Она (булочная) выше парикмахерской». Значит, двухэтажный розовый дом — это булочная, одноэтажный зелёный — парикмахерская. «В ней (в почте) столько же этажей, сколько в булочной». Раз почта двухэтажная, вот она — двухэтажный дом кирпичного цвета. А одноэтажный дом того же цвета — аптека.

ОТВЕТ НА ЗАДАНИЕ МАТРЕШКИ
(см. № 2, стр. 31)

В мешке Деда Мороза были такие подарки: барабан, кукла, труба, конфета, шоколадка, конструктор, мишка, пластилин, глобус, книжка, краски.

ОТВЕТ НА ЗАДАНИЕ КОНСТРУКТОРА
(см. № 2, стр. 30)

Заяц прав: одна шестерня лишняя. Только при чётном количестве шестерён система будет действовать. Но Заяц не заметил другой ошибки Конструктора: вездеход не сдвинется с места: ведь шестерёнки вращаются в разные стороны и гусеница просто разорвётся. Значит, с ней должны сцепляться только те шестерни, которые вращаются в одну сторону.

ЛЕТАЮЩИЙ МОТОЦИКЛ

8 Тем временем клоуна Саню носило и мотало по городу. Они с Сеней побывали везде, где нужно и где не нужно.

Пропусти 2 хода (купи билет в Большой театр).

10 Пролетели мимо Сениной бабушки, с которой не успели даже поздороваться. Не то что зайти.

11 И несколько раз проехали мимо Большого театра, в котором должен быть несколько раз в год каждый культурный человек.

Пропусти 2 хода (выучи правила дорожного движения).

13 А вся милиция в это время задерживала бородатых мотоциклистов и проверяла у них документы. Так велел главный генерал. И тут раскаменел Владимир Иванович.

— Не тех ловите! — доложил он генералу. — Бородатые ни при чём! Надо ловить Сеню с Саней. А то они пропадут.

И генерал дал новое распоряжение по радио:

— Бородатых не трогать! Ловить клоунов на мотоцикле с прицепом. (Прицеп — это Сеня с клюшкой.)

Пропусти 2 хода (купи домой картошки).

9 Были на рынке и всех там распугали.

12 И дважды их пронесло мимо Третьяковской галереи. Они так и не увидели известной всему миру картины «Богатыри».

Пропусти 2 хода (зайди в Третьяковскую галерею).

14 Милиционер Снесарёв понял намёк и приказ генерала и тут же увидел Сеню с Саней. А они уже были не рады и кричали: «Караул!» — их несло на снегочерпальную машину.

Машина зачерпнула их. Скорость увеличилась, и они вылетели из транспортёра, как снаряд из реактивной машины «катюша». Следом полетел Снесарёв. Вторым зарядом.

БАБУШКИНА МЕЛЬНИЦА

Арсений СЕДУГИН
Рис. В. КАНЕВСКОГО

Подарили бабушке
В день рождения
Не безделицу,
А кофейную
Мельницу.
Бабушка рада.
И я рад:
Буду молоть
Всё подряд.
Только за бабушкой
Хлопнула дверь,
Заревела мельница,
Словно зверь.
Первым делом
Для потехи
Полетели в мельницу
Калёные
Орехи.
Чтобы яблокам
Не было обидно,
Пропустил их
Через мельницу:
Получилось повидло.
Только
До арбуза
Очередь не дошла,
Потому что бабушка
С рынка пришла.
Очень удивилась,
Очень огорчилась,
И глазам не верится.
— Это всё
Смолол не я,
А твоя мельница.

САМАЯ УМНАЯ ЛОШАДЬ

Юрий КОРИНЕЦ

Рис. В. ЛОСИНА

Продолжение

Опоздал я на дойку сразу же, во второй день своего пастушества. Первый день в расчёт не шёл, ибо в тот день я принимал стадо и крутился потом до вечера возле фермы. А на второй день я ушёл со стадом далеко за сопки, как и полагалось, и потерял там всякое чувство времени. Но это я понял только потом.

День с утра был мглистый, из обложных туч сыпал мелкий дождик со снегом, дул пронизывающий ветер. И хотя тучи бежали надо мной быстро, зато время тянулось нудно и медленно. Мой сыромятный полушубок без рукавов сразу раскис, и валенки тоже — ещё на ферме, когда я проходил в них по грязи, и сейчас, хотя я и сидел на лошади, ногам было мокро и противно. Хотелось хоть немного погреться у огня, поесть, выпить кипятку. Рассвет в степи долго не приходил, а когда пришёл, был похожим на сумерки.

Мои бедные быки, коровы и с полсотни овец тоже страдали от ненастной погоды и почти ничего не ели, потому что им мешал ветер и дождь, хлеставший по мордам. Бедняжки пытались убежать на ферму, мне всё время приходилось их заворачивать. Тогда они начали «бастовать» — стояли сгрудившись, повернувшись к ветру хвостами, жалобно мычали и блеяли. Особенно пронзительно жаловались овцы. Мне казалось, что они дразнятся: всё время кричат «спа-ать!», «спа-ать!» тонкими дерзкими голосами. Мне и правда хотелось спать. Морды у всех были грустно-смешными: с подбородков капают капли, на мокрую шерсть садятся тающие снежинки, глаза тусклые. В этих глазах я, конечно, выглядел точно таким же. Только СУЛ держалась молодцом.

Так мы долго топтались на мокром снегу и льду. Когда стало уже совсем невтерпёж, я сказал СУЛ:

— Пора на обед, видишь, как все рвутся домой... пусть себе идут!

Но лошадь удивилась:

— Что ты! Рано! Надо ещё погулять!..

— Уже двенадцать часов, — сказал я.

— Не более десяти, — возразила СУЛ. — Можешь на меня положиться.

— Ты с ума сошла! — рассердился я. — Я чувствую, что уже двенадцать... И они вон тоже чувствуют.

— Ничего они не чувствуют, — обиделась СУЛ. — Ничего, кроме дождя и ветра! Я тебе точно говорю, что сейчас ровно десять!

— Ну, знаешь! — вскинулся я. — Слишком много на себя берёшь! Сейчас ровно двенадцать. Заворачивай!

СУЛ ничего не ответила, двинувшись против ветра в конец стада, а потом позади стада назад, к ферме, уже в направлении ветра. Нам и подгонять никого не надо было: все радостно побежали вперёд.

Мы с СУЛ ехали молча, не разговаривая. Каждый думал о своём. «Как-то даже странно, что мы, только что подружившись, уже повздорили, — думал я. — Вчера после того, как она упала, и я сверзнулся через её голову, и когда мы остались наконец одни со стадом, мы с ней хорошо поговорили. И вот на тебе... Но это она уж слишком завоображала, — думал я. — Она, конечно, умна, спору нет, но и я не дурак:

сейчас двенадцать!» Уж это-то я чувствовал! Особенно своим пустым желудком.

Говорила мне СУЛ о себе, что происходила она из древнего восточного рода. Какой-то её прапрадед был здесь, в степи, главным среди лошадей. И был у него огромный табун во много десятков кобыл и жеребят.

«Когда-то мои далёкие предки пришли сюда из-за высоких сопок, рек и озёр, — сказала она. — Было это так давно, что никто уже толком ничего не помнит», — закончила СУЛ.

Несмотря на то, что происходило всё в незапамятные времена, СУЛ гордилась прошлым и знала себе цену...

Обо всём этом я думал, вспоминая наш вчерашний разговор, пока она шла сейчас позади стада, а я сидел на ней верхом, весь промокший, мечтавший обсушиться.

Я смущённо оглядел её сверху, в затылок, пока она так шла — молча кивая головой, позвякивая уздечкой, тяжело шлёпая копытами по снегу.

«Красивая голова!» — подумал я.

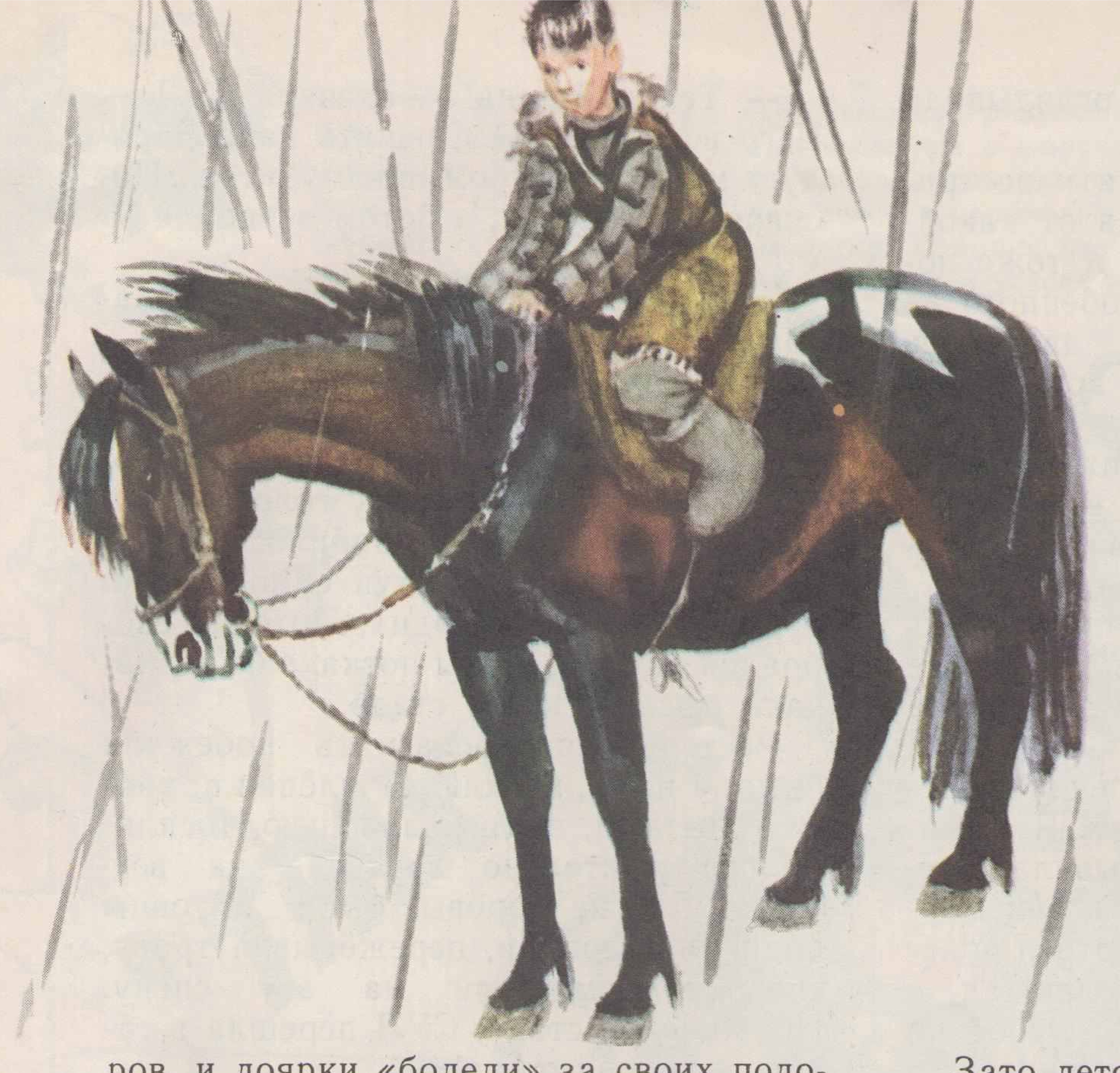
От породы СУЛ сохранила короткие, подвижные уши, огромные ноздри, прекрасные тёмные и выпуклые глаза... О чём-то она сейчас размышляла?

Потом она рассказала, что думала в тот самый момент обо мне, о ждущих меня на ферме неприятностях. Так оно и получилось... Как отчитывал меня на людях Айтчан, я даже не хочу вам рассказывать.

Но эти мои промахи, к счастью, вскоре забылись. Больше я на ферму не опаздывал и не возвращался раньше времени. Все удивлялись моей точности, даже Айтчан. Но никто, конечно, не подозревал, что этим я обязан лошади.

Жизнью своей я был теперь доволен. Я невольно стал держаться с большим достоинством, видя, что никто меня не ругает, что относятся ко мне даже с уважением, спрашивают о поведении той или иной коровы, о росте травы за сопками, о количестве снега в степи, о том, в какую сторону лучше погнать стадо. Сам Айтчан меня об этом спрашивал, и в его голосе почти исчезли нотки презрения и насмешки, Но особенно хорошо теперь стали относиться ко мне доярки. Когда они меня о чём-нибудь спрашивали, я отвечал, что подумаю, потом, в свою очередь, советовался с СУЛ и только тогда отвечал на все вопросы. За каждой дояркой было закреплено несколько ко-

солнце блестели весело, отражая бледное небо и белые облака. На степных возвышенностях промеж старой жёлтой травы пробивались теперь зелёные росточки, а под корнями стыла грязь. Вернее, не грязь, а жидкая земля. Грязью она становилась, когда по ней проходило стадо. Многочисленные копыта отпечатывались в земле глубоко и ясно — теперь, если какая-нибудь корова отобьётся от стада и уйдёт за сопки, найти её не составляло труда. Не то что летом, когда следы на высохшей земле, заросшей травами, малозаметны и отыскать их не так-то просто, а потерять корову проще простого...

ров, и доярки «болели» за своих подопечных, тем более что скоро должен был начаться весенний отёл: ожидались телята. Они могли появиться в любой момент — и ночью в коровнике, и днём в степи. Если не уследить, новорождённые могли погибнуть: замёрзнуть, попасть под копыта или ещё что... Ночью на ферме дежурили сами доярки — по очереди, а уж днём в степи за всё отвечал я. Поэтому я тоже волновался, пожалуй, даже больше других: мне это великое таинство было в новинку. Но СУЛ меня успокоила:

— Главное, не волноваться, — сказала она. — Когда телятки появятся, я тебе помогу. Быть тебе скоро крёстным отцом!

Снегу теперь в степи становилось всё меньше — солнце съедало его. Зато разливы воды увеличились, тянулись порой между сопок на сотни метров, как настоящие озёра. В пасмурные дни они темнели, покрывались рябью, а на

Зато летом тепло, а весной промозгло. В овчинной безрукавке меня здорово продувало, потому что ветер в это время почти никогда не спит — дует за милую душу!

Вот и сейчас я сидел верхом на СУЛ, а ветер нёсся над степью сплошным непрерывным потоком. Солнце пряталось в неслышной толчее бегущих за ветром облаков. День клонился к вечеру, облака вверху надо мной постепенно темнели, а над горизонтом, над чёрными силуэтами сопок они отсвечивали перламутром от низкого невидимого солнца.

Стадо двигалось впереди нас и позади, громко чавкая по грязи копытами, добирая перед возвращением домой дневную порцию травы, а мы с СУЛ медленно ехали в стороне. В голове моей вертелась нетерпеливая мысль о лете, когда можно будет наконец ночевать на вольном воздухе. А СУЛ — не знаю, о чём она думала, — шла, поводя

в разные стороны ушами: оглядывала растянувшееся стадо.

Вдруг она остановилась и навострила уши, не отрывая взгляда от какой-то точки в середине стада. Я тоже посмотрел туда, но ничего особенного не заметил: несколько коров двигались там по болотистому берегу временного весеннего озера.

— Телёнок родился, — тихо сказала СУЛ, не отрывая далёкого взгляда, и, сразу же, повернувшись, поскакала туда рысью.

Я молча вглядывался в даль, трясясь на её спине, пока не разглядел возле одной из коров хрупкий силуэт телёнка на фоне воды.

Когда мы подскакали, телёнок встретил нас дрожащим мычанием. Я соскочил наземь. Корова облизывала его, шумно дыша, а он тянулся к ней мордой и чмокал губами. Он смотрел большими выпуклыми глазами и дрожал с ног до головы, весь мокрый. Особенно сильно дрожали высокие тонкие его ножки: был он похож на какое-то насекомое именно из-за этих своих длинных дрожащих ног с непомерно толстыми коленками, которые всё время подгибались — вот-вот упадёт!

Был он беленький с рыжими пятнами — в мать.

— Корова вроде айтчанская, — неуверенно сказал я.

— Она, — кивнула СУЛ. — Можешь своего Айтчана обрадовать. Бери телёнка, и поскачем, сам он ещё до фермы не дойдёт.

Я подхватил его на руки, и он лизнул меня в щёку. Его длинные ноги болтались, как лапша. Корова тяжело переступила копытами, так что брызнула грязь, потянулась к своему сыну оттопыренными губами, взволнованно замычала. Я сам был взволнован. Телёнок у меня на руках судорожно дрожал, и его дрожание передавалось мне.

— Телячий папа! — сказала СУЛ. — Чего волнуешься? Спешить надо! Продует малыша ветром, простудится... Поскачем к Айтчану, а потом вернёмся за стадом.

— Я спрячу его за пазухой, — сказал я решительно.

Я расстегнул полушубок, придерживая телёнка одной рукой, расстегнул ватную фуфайку и сунул его, скользкого, за пазуху — к своему голому телу. На моей груди громко забилось телячье сердце — в перестук с моим. Как будто у меня два сердца. Потом я взобрался на СУЛ, и мы поскакали — сначала рысью, сквозь стадо.

Растерянная корова-мать побежала было за нами, неуклюже шлёпая по грязи копытами, вытягивала шею, тоскливо и оглушительно заревела на всю степь. Другие коровы, быки и овцы подняли головы и, пережёвывая траву, спокойно смотрели на эту сцену. Но, миновав стадо, СУЛ перешла в галоп, и корова отстала.

СУЛ неслась во весь опор. Ей, как видно, помимо прочего, хотелось просто согреться. Ветер свирепо дул навстречу, свистел в ушах. СУЛ прижала свои уши к голове. Я спрятал лицо от ветра в её густой гриве, она щекотала мне лицо. Телёнок ворочался на моей груди, дрыгал прижатыми ногами, постепенно согревался.

И вдруг произошло то самое, о чём я совсем забыл в этот ответственный момент, и СУЛ позабыла. Она споткнулась и полетела через голову, я вперёд через неё, прижимая к себе телёнка, стараясь упасть не на него. Перевернулся в воздухе и больно, так что ёкнуло в лёгких, шлёпнулся в лужу, разбрызгивая воду с грязью, спиной о кочку... но телёнка не выронил!

Продолжение в следующем номере

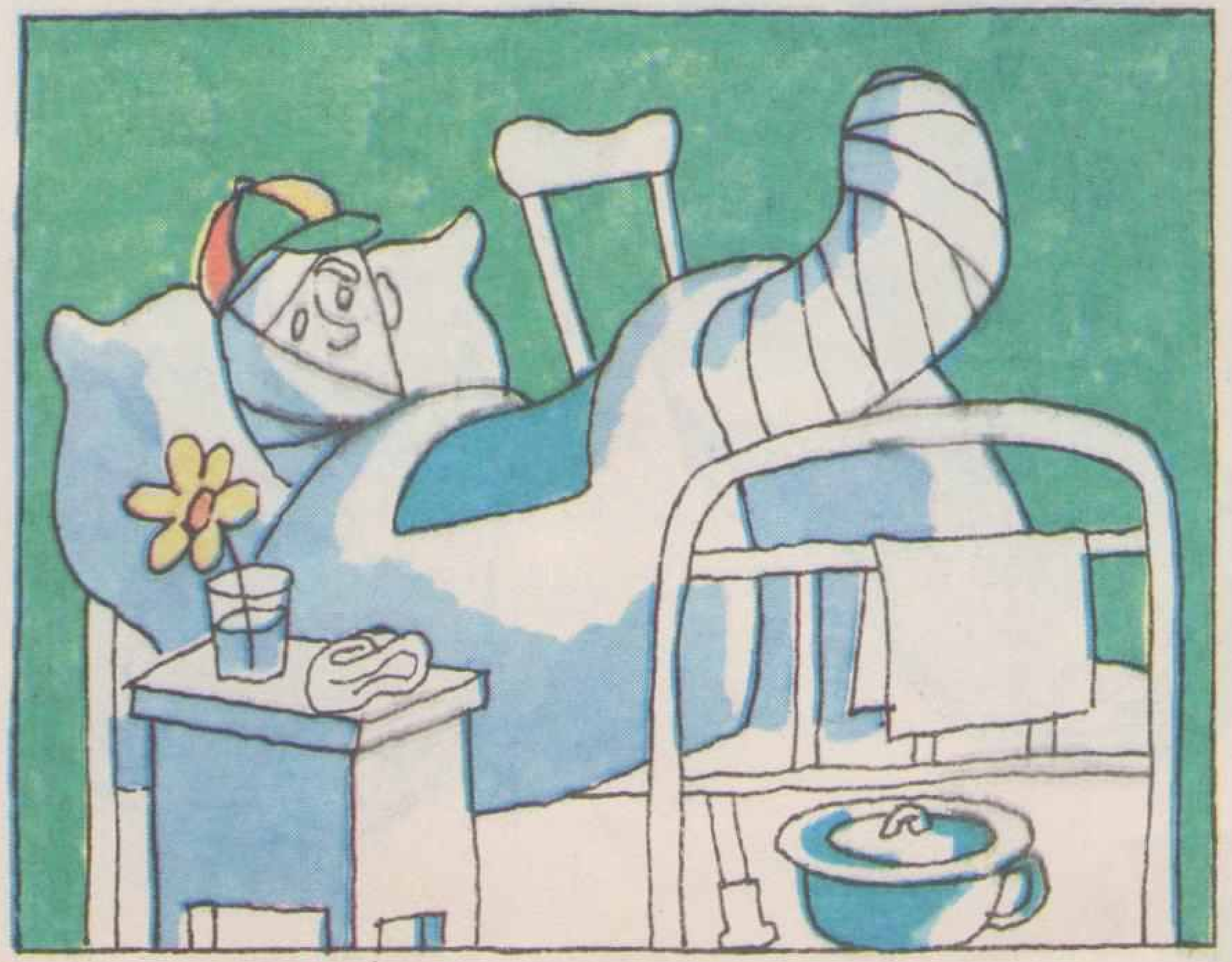
Летающий мотоцикл

15. — Дожили! — говорили прохожие. — Мотоциклы летают. — Перелетев через дома, оба мотоцикла угодили на один самосвал.

16 Самосвал ринулся на жёлтый свет. Из-за этого машина с молоком наехала на машину с подсолнечным маслом, а машина с пивом на машину с чернилами. И стало скользко, как на катке. Хорошо, что на светофоре был жёлтый свет и у всех машин была маленькая скорость.

17 Только через полчаса милиция и дружинники смогли навести порядок. А специально приведённые служебные милицейские собаки слизать всё подсолнечное масло и молоко.

А огромная чернильная клякса так и осталась.

18 Все клоуны жутко переживали: что они наделали! И особенно жалели Саню. Так как он:

Попал в больницу к докторам.
Его бинтуют по утрам.
Одна нога под потолком,
Другая в гипсе целиком,
Над ухом тормоза визжат,
И зубы в тряпочке лежат,
А ночью снится красный свет.

И с тех пор они пользуются подземными переходами, никогда не переходят улицу при красном свете светофора.

ДРАКОН ОБЕДАЕТ

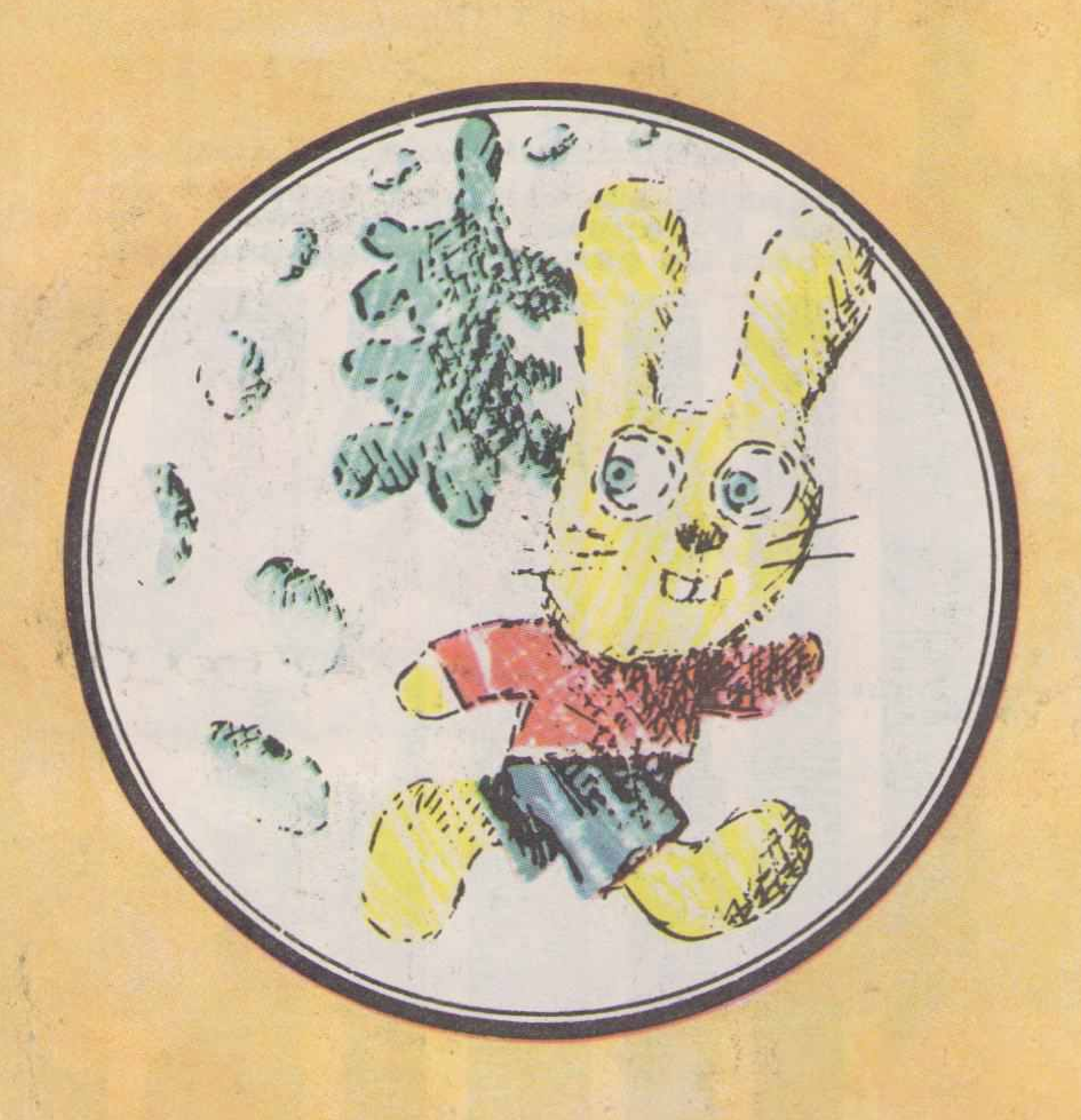
Шутка

В дверь диетической столовой
Вошёл дракон семиголовый.
Он хором «здравствуйте!» сказал
И, улыбаясь, заказал:
— Для этой головы —
Пожалуйста, халвы,
Для этой пасти —
Прочие сласти,
Для этой головки —
Перловки,
Для этой глотки —
Селёдки,
Для этой башки —
Пирожки,
Для этой рожи —
Тоже,
Для этого личика —
Два сдобных куличика!
Что ещё? Лимонада бутылку,
Семь салфеток, ножик и вилку!

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

— Шапка, шапка, где была?
— Я была в кино.
— Что ж ты, шапка, видела?
— Было так темно...
Задремала я нечаянно
На коленях у хозяина.

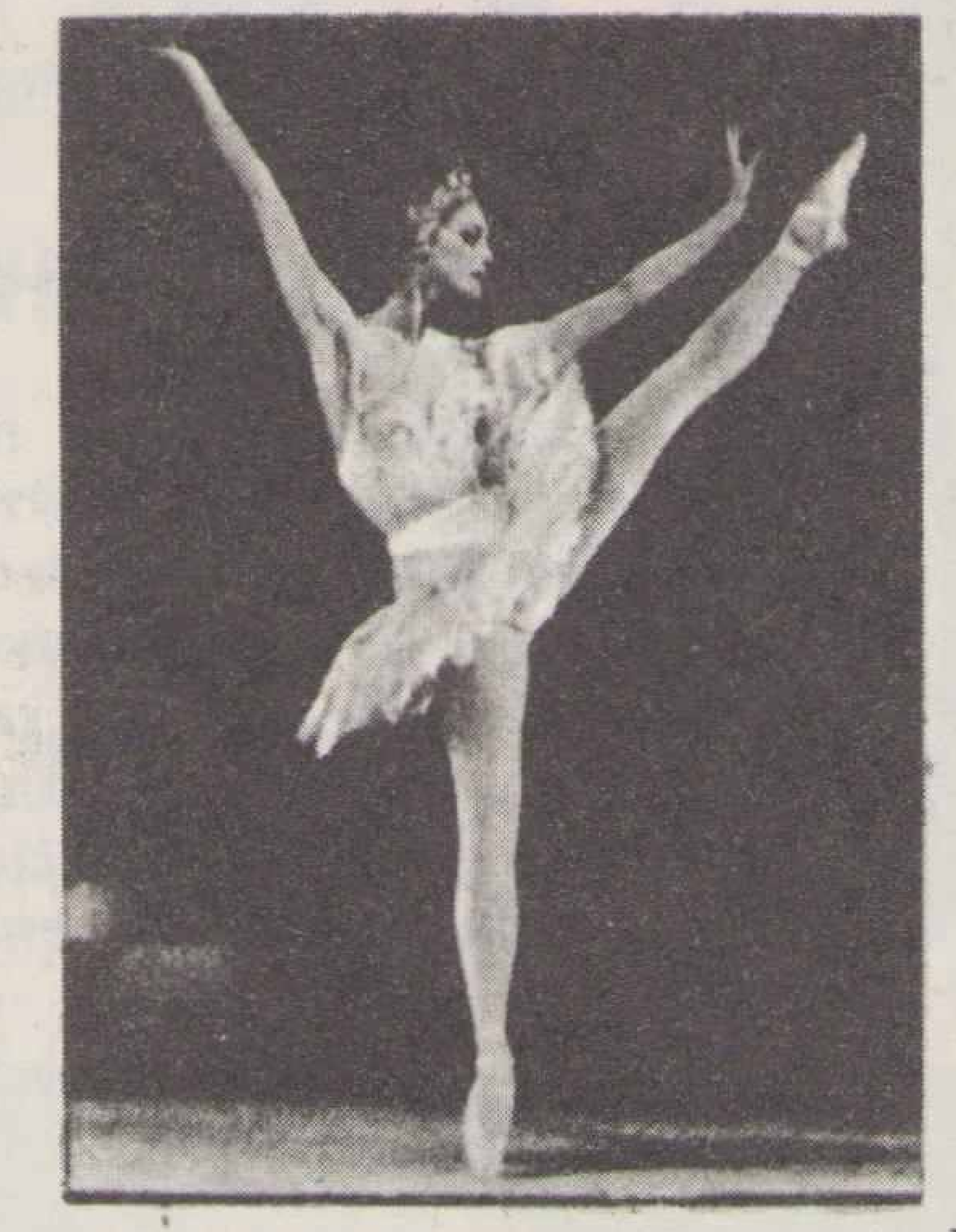
— Шапка, шапка, где была?
— В цирке шапито!
— Что ж ты в цирке видела?
— Шапки да пальто,
Номерки, зонты и палки —
Всё, что было в раздевалке!

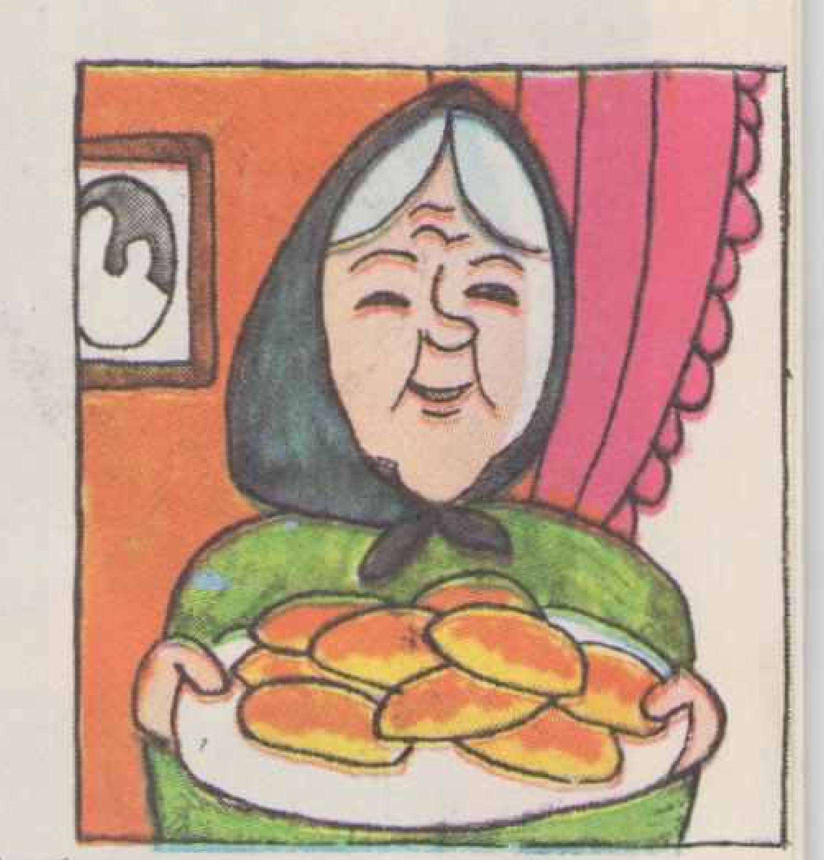
КАК ИДЁТ ВЕСНА

Сегодня утром все следы
Покрыты корочкой слюды.
Кто мимоходом след оставит,
Тот ненароком снег расплавит.
Вот заяц совершил прыжок
И каждой лапой снег прожёг.
Вот след машинный, лыжный, санный
Горит окалиной стеклянной.
Так нынче движется весна:
Сначала — мы, потом — она.

Балет П. И. Чайковского «Спящая красавица», который Сеня с Саней не увидели в Большом театре.

Бабушка, к которой они не успели зайти.

Картина В. М. Васнецова «Богатыри», которую Сеня и Саня не увидели в Третьяковской галерее.

Очень тёплые валенки, которые они не купили в ЦУМе, потому что быстро промчались мимо.

В «Летающий мотоцикл» можно и играть. Только ходить надо по мотоциклетным облачкам дыма. Число ходов определяют, кидая по очереди кубик. Начинается игра с первого облачка, на котором написано название и автор, а заканчивается на последнем — в кузове самосвала.

И ещё: тот, кто приходит первым, не выигрывает, а проигрывает. Потому что какой же это выигрыш — носиться по городу, превышая скорость, и угодить в конце концов в самосвал?

Ирина МАХОНИНА

ПОДСНЕЖНИКИ

Февраль будил подснежники:
— Эй, просыпайтесь, неженки,
Цветочки, лепесточки —
Голубенькие точки! —
Подснежники вставали,
Смеялись и зевали.
И так охотно расцвели,
Как будто и не спали!

Сделай из палочек верхний домин. Переложи три палочки так, чтобы он получился как нижний.

Как котёнку добраться до мышки?

Рис. Н. ХОЛЕНДРО

А. ЛЕЛЬЕВР

ПОРТРЕТ

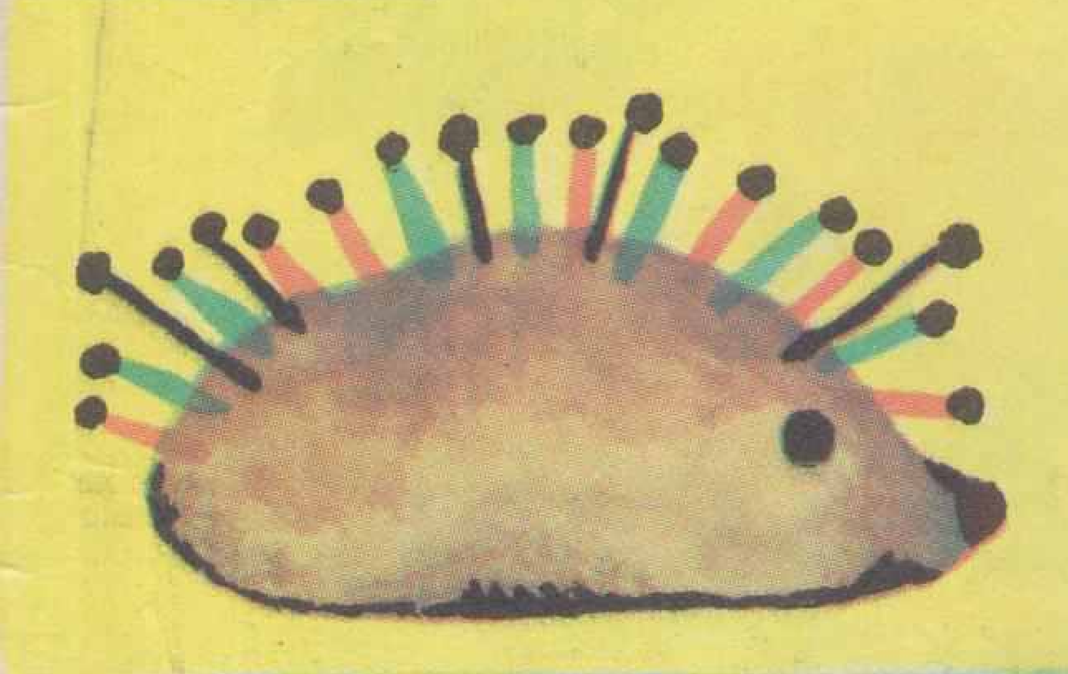
Рассказ-задача

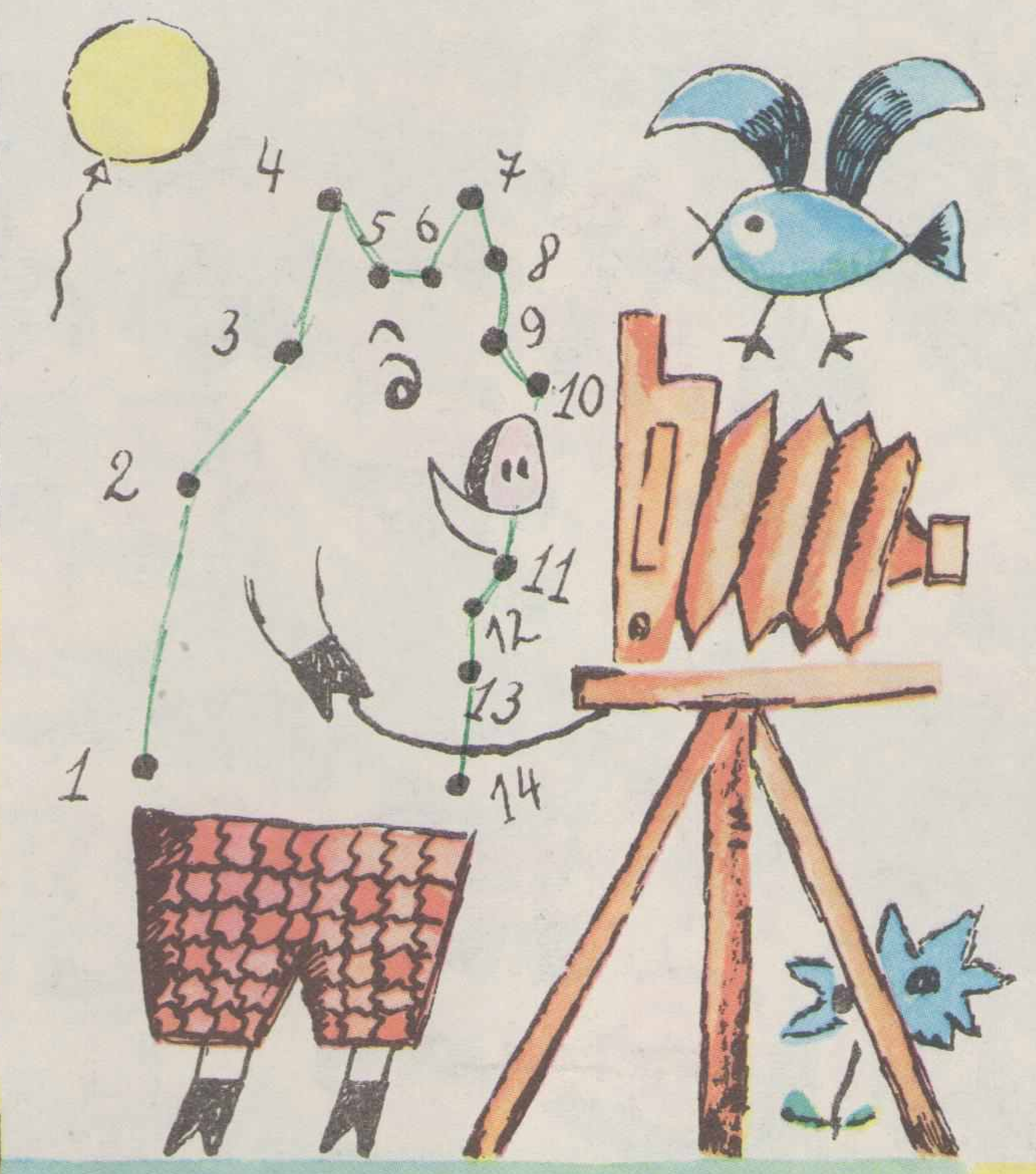
Лида, Люба, Маша и Анюта решили вместе сфотографироваться. — Только, чур, я не сяду рядом с Машей, — заявила Анюта. — А я не сяду рядом с Любой, — сказала Маша. — А я не сяду рядом с Лидой, — сказала Люба. Наконец уселись. Угадай, кто Лида!

Подскажем: девочка с синим бантом — Люба.

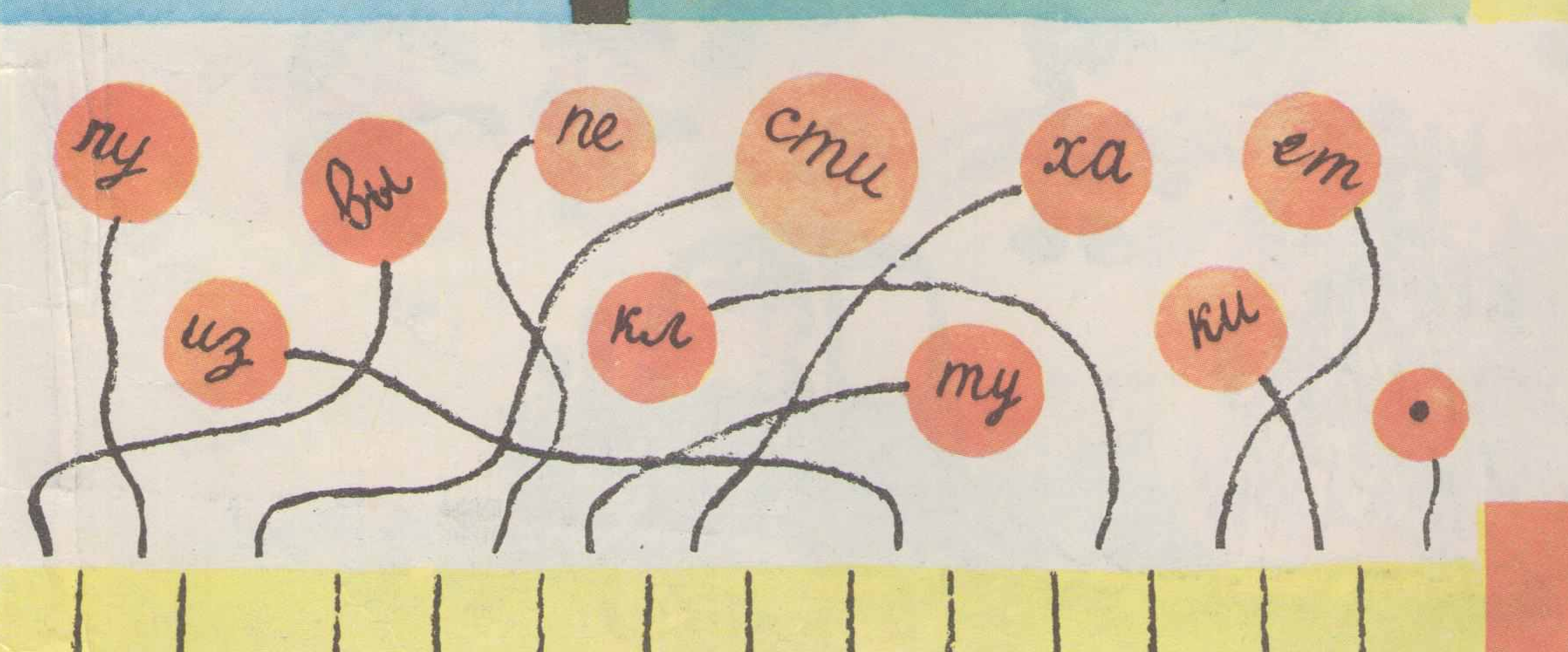
Ответ на задачу смотри в четвёртом номере.

Из картошки и крашеных палочек сделай такого ёжика.

Найди фотографа на этом весёлом рисунке. Соедини точки по порядку.

Если ты правильно заполнишь жёлтые клеточки, то узнаешь, что надо сделать с петушком.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Художественный редактор
Г. Макавеева

Технический редактор
Л. Петрова

Сдано в набор 12/I 1976 г.
Подписано к печати 28/I 1976 г.
Формат 84×108 1/16.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 2309.

Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030. Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке Н. ЧАРУШИНА

Рис. А. БОРИСОВА

Цена 10 коп.
Индекс 70553